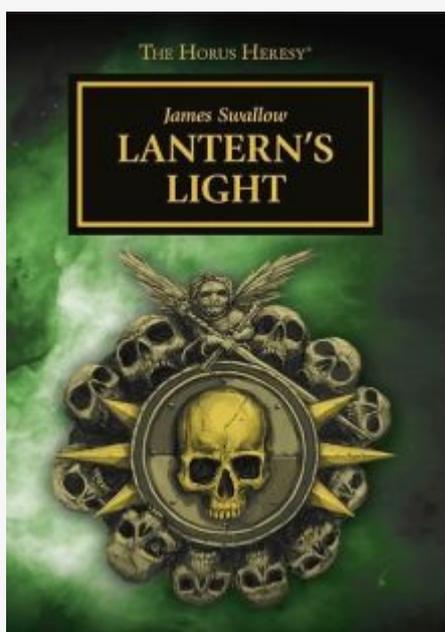

Свет Лампиона / Lantern's Light (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Свет Лампиона / Lantern's Light
(рассказ)

Автор	Джеймс Сваллоу / James Swallow
Переводчик	Ulf Voss
Издательство	Black Library
Серия книг	Ересь Гора / Horus Heresy (серия)
Год издания	2019
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Сообщение было сформулировано так, чтобы звучать как просьба, но на самом деле это был вызов.

Требование отца сыну, приказ генерала солдату.

«Поспеши ко мне, - гласило оно, - чтобы мы поговорили».

Сообщение создавало иллюзию общения равных, но Мортарион знал, что это совершенно не так. Император Человечества облачал каждое произнесенное слово в беспрекословный приказ.

«А кто ты такой, чтобы не повиноваться своему генетическому отцу?» – раздался вопрос в глубине мрачных мыслей воина. Он пришел к Мортариону призрачным голосом, который тот почти узнал.

Примарх поднял взгляд из-под капюшона, который напоминал саван вокруг его болезненного лица. Поверх мастерски изготовленного силового доспеха, который Мортарион за последние месяцы научился носить, словно вторую кожу, была надета огромная мантия, ниспадающая до пола шаттла, в котором он сидел на низкой железной скамье.

Броня была сильно изменена, после того как ее представили Мортариону. Комбинезон, боевой доспех и искусственная мускулатура подходили примарху так, словно он родился в них, но Мортариона не интересовали витиеватые украшения и воинский орнамент на перчатках, поножах и нагруднике. Он привел в смятение мастеров-оружейников на службе Императора, сорвав и выбросив излишнюю детализацию, и оставив только геральдику, необходимую для боевых операций.

Вместо этого он приказал им отлить эмблему Гвардии Смерти и поместить ее на боевой доспех. Череп с солнцем был слишком могущественным символом, слишком близким его сердцу, чтобы отказаться от него вместе с прежней жизнью.

Череп означал смерть, которая в равной степени угрожала жизни Мортариона и была его союзником, в то время как шестиконечное солнце указывало на просвещение свободы, которую он принес своему миру.

«Но разве наш мир свободен?» Голос прошептал вопрос, когда небольшой звездолет миновал притяжение планетарной гравитации, и Мортарион позволил своему вниманию сместиться к иллюминатору.

За ним, на фоне бесконечного покрова темной туманности, он увидел планетарную дугу Барбаруса. Отсюда родной мир представлял собой бурлящую сферу из янтарно-оранжевых ядовитых облаков, растревоженных радиацией слабого желтого солнца. Под скоплениями облаков можно было разглядеть только самые смутные формы континентов. У планеты был угрожающий облик, но она по-прежнему вызывала в сердце Мортариона странную меланхолию.

Несмотря на продолжающиеся откровения о его истинных корнях, Барбарус навсегда останется местом, где он родился. И его мало волновало, что на самом деле это было не так. Барбарус выковал Мортариона таким, каким он был сейчас, и этого он никогда не забудет.

«И все же...» Взгляд Мортариона переместился к покрову неистовой туманности, находящейся далеко за самой дальней орбитой этой солнечной системы. Он давно знал о мирах-братьях Барбаруса, вращающихся вокруг их солнца, украдкой получив эти запретные знания из книг его приемного отца – жестокого Властителя Некаре. Но узнать, что за Стигийской завесой находятся миллиарды звезд и миров... Эта мысль ошеломляла.

Часть него желала увидеть эти миры, погрузить бронированные перчатки в их пески и воды, пройти по новым землям и чужим просторам, сразиться в новых битвах. Со времен своей юности Мортарион так не жаждал знаний. Тогда похожий на скелет жестокий Некаре бил его и запрещал любое нежеланное ему обучение, вынуждая Мортариона учиться при помощи хитрых уловок. Сейчас примарх чувствовал, как возвращается то знакомое разочарование.

После воссоединения с отцом – *настоящим* генетическим отцом, Императором – тот повелел Мортариону оставаться в пределах этой системы более одного барбарусского солнечного года. Это было

нелегко.

«Представь, – сказал голос, – жить все время в одной комнате и не знать ничего другого. Затем распахивается настежь дверь, и ты видишь за ней улицу, город, народ, мир. Но тебе говорят, что ты не можешь выйти наружу. Не сейчас. Какое разочарование».

Император прибыл на Барбарус со Своим могучим флотом, и предложил народу отравленного мира шанс присоединиться к великому Империи Человека, от которого они были отрезаны тысячелетия назад. Они приняли предложение без колебаний.

И их можно понять. В конце концов, они были смертными, а отец Мортариона был уникальным существом. Как они могли Ему отказать?

В последовавшем перевороте многое изменилось и продолжало меняться. Каждый день Мортариону приходилось прилагать усилия, чтобы сохранять связь со своей прежней жизнью.

До прибытия Императора Мортарион был мятежный сын верховного Властителя – поначалу, самое ужасное оружие Некаре, затем его самый ненавистный враг. Он пошел против приемного отца и свиты жестоких существ, возглавляемых этим извращенным извергом, сражаясь за освобождение «слабых» людей Барбаруса от чудовищных преследований тварей, поработивших их.

Мортарион был чужаком, затем воином, и наконец, лидером. Он создал армию, которая постепенно отвоевала планету, и окрестил лучших из борцов за свободу Гвардией Смерти. Он назвал их своими непобедимыми клинками.

Примарх задумался об этих воинах – Раске и Мурнау, Скорвалле и Каргуле и других – и, конечно же, о своем резком боевом брате, изгнаннике Калласе Тифоне.

Задающий вопросы голос, который он слышал в своих мыслях, всегда говорил голосом Калласа. А ведь и в самом деле, это была манера его старого друга – оспаривать все и задавать неудобные вопросы.

Все они тоже были здесь – на борту кораблей, стоявших на высокой орбите, которые Император оставил после Своего отбытия. Элита Мортариона первой прошла возвышение и была переделана невероятными технологиями Империи в биологических лабораториях на борту этих кораблей. В этот самый момент процесс приближался к итогу – его самые доверенные солдаты пребывали в строгом режиме генетической модификации, биологической имплантации и нейронного программирования.

Мортарион отвел глаза от иллюминатора и посмотрел на одного из воинов в серых доспехах, которые находились вместе с ним в грузовом отсеке шаттла. Сумеречный Налетчик, как их изначально назвали, одно из племен Легионес Астартес Императора – его так называемые космодесантники. Они были для Мортариона тем же, что и он для его генетического отца, более могущественные, чем смертные люди, но все еще рожденные из рода человеческого.

Вскоре Тифон, Раск и все остальные станут такими же, как этот. Обычная глина барбарусской Гвардии Смерти перевоплотится, шагнув на свет, чтобы стать бок о бок с легионом, который Император вручил Мортариону в качестве дара. С того дня они все будут носить это имя.

Конечно, кое-кто не переживет процесс. Некоторые уже погибли, их тела не смогли выдержать огромной платы, возложенной на них трансформацией. Еще больше было тех, кому отказали в великом даре: те, кого сочли слишком старыми, и чья хромосомная матрица оказалась несовместимой с биоизменяющей технологией Императора.

«Напрасная трата хорошего материала», – сказал голос в голове Мортариона.

Легионер в сером заметил взгляд примарха и вытянулся.

– Милорд? – обратился он, сделав шаг навстречу. – Чем могу послужить?

Он был терранцем, как и все Сумеречные Налетчики. По приказу Мортариона теперь они тоже были переименованы в Гвардию Смерти, но они сильно отличались от бледных сынов Барбаруса. Они происходили из десятков разных этносов из северных земель далекого Тронного мира Императора. Воины XIV легиона были опытными, закаленными битвами в так называемом «Великом крестовом походе» генетического отца.

Вооруженный мощным болтером воин входил в число тех, кого назначили в почетную стражу Мортариона. Как для людей они были превосходными бойцами.

– Как тебя зовут? – спросил примарх.

– Я брат-легионер Алексус Ксаэль, милорд. – Он коротко поклонился.

Мортарион кивнул. Он вспомнил воина в недавних тренировочных боях на одном из внешних миров системы.

«Хорошо владеет этим оружием, – припомнил он. – С дюжиной ему подобных Барбарус можно было освободить за дни, а не годы».

Поначалу Мортарион инстинктивно не доверял этим терранцам. После прибытия Императора примарху даровали целую армию, с явным посылом, что он займет место их командира и поведет в войны его генетического отца.

Но ни один лидер не мог начать с нуля. Мортарион должен был научиться пользоваться новым оружием и доспехом, предоставленными Империем, а также тактике и стратегии боевых действий с этими Легионес Астартес.

Он исключительно быстро учился и месяцы военных игр и тренировок привели Мортариона в состояние полной боевой готовности. Он рвался покинуть Барбарус и отправиться в галактику.

Но гораздо важнее то, Мортарион столкнулся с тем, чего не ожидал. Он был связан с этими Сумеречными Налетчиками способом, который слова не могли описать. Словно эта связь всегда была внутри него. Погруженная в сон и ожидающая пробуждения.

– У меня к тебе вопрос, Ксаэль, – сказал примарх. – Вскоре мы пристыкуемся к командному кораблю моего отца. Каким будет протокол?

Ксаэль нахмурил лоб.

– Я не понимаю...

– Я все еще новичок в этих делах. Чего от меня ждут?

– А! – Воин кивнул, когда понял о чем речь. – Многие в Империи гордятся пышными церемониями. Это важное событие. Думаю, будут соблюдены множество формальностей.

Под капюшоном худое лицо Мортариона нахмурилось.

- Я не переношу этого.

Ксаэль чуть улыбнулся.

- Я понимаю вашу неприязнь. Но я не в том звании, чтобы пренебрегать этими требованиями.

- Я в том.

Мортарион поднялся со скамьи и подошел к иллюминатору.

Остаток пути прошел в доверительной тишине. Перед шаттлом вскоре выросла стена из золота и стали. Корабль направился к зияющей пасти огромного посадочного отсека.

Гигантский корпус боевой баржи «Буцефел» - флагмана Императора - протянулся во все стороны. Колоссальный корабль был произведением воинского искусства, в равной мере красивый и грозный, оцетинившийся оружием и полями аблятивной брони. Масса «Буцефела» была такой огромной, что корабль создавал собственный гравитационный градиент, вынуждая баржу вставать на якорь подальше и выше плоскости эклиптики. Если бы она подошла слишком близко к Барбарусу, то вызвала губительное приливное воздействие на и так суровые метеорологические условия планеты.

Корабль отца был могуч. Мортарион узнал, что в боевом флоте Императора было много других кораблей подобных размеров. Некоторые из них принадлежали генетическим братьям Мортариона - примархам, которые были, как и он, разбросаны по всем сторонам эфирного компаса до того, как стали совершеннолетними.

После их первой встречи Император говорил о том событии обтекаемыми фразами, демонстрируя истинные эмоции и душевную боль при упоминании испытаний, выпавших Его сыновьям. Но когда Мортарион пытался узнать больше о причинах этого «разброса», отец каждый раз уклонялся от ответа.

«Если Он настолько могущественен, как Он мог позволить этому случиться?» Возможные ответы на этот безмолвный вопрос только еще больше омрачали Мортариона.

Шаттл сел с тихим стуком, и через минуту в конце отсека открылся, словно ирисовая диафрагма, люк. Внутри ворвался пьянящий благоухающий воздух, а вместе с ним резкий хор военных труб.

Звук растянул губы Мортариона в насмешку. Примарх вышел наружу, дав знак Ксаэлю и остальной почетной страже оставаться на месте.

Оказавшись в огромном стыковочном отсеке боевой баржи, он увидел шеренги кустодийских стражей с поднятыми в салюте знаменами и оружием. Помимо них присутствовали музыканты, играющие гимн, и другие лица в чрезмерно вычурных нарядах, чья роль и предназначение были ему не известны. Мортарион догадался, что от него ждут размеренной походки и показной заинтересованности.

Он не продемонстрировал ни того, ни другого.

Примарх проигнорировал собравшуюся толпу и направился в одиночку вверх по пролету низких ступеней к платформе, освещенной прожекторами и окруженной высокими занавесами из алого бархата. Отца там не было, но примарх не медлил. Вокруг него воцарилась тишина, как только фанфары преждевременно стихли. Единственными звуками были тяжелые удары бронированных сапог по настилу и тихое перешептывание ошарашенных чиновников.

Мортарион почти дошел до платформы, когда навстречу вышел человек в высокой шляпе, парчовом

мундире и рядом технических улучшений. За ним следовало устройство, которое юркало без видимых устройств подъемной силы. Машина напоминала глаз стального гиганта, вырванный и скачущий в потоках воздуха, наблюдая за всем, что мужчина в мундире говорил или делал.

- Милорд Мортарион! - начал он говорить голосом одновременно испуганным и взволнованным. - Прошу меня извинить, но ваш шаг был... э... не таким *отмеренным*, как ожидалось!

Он махнул рукой в сторону занавесов.

- По замыслу ваш отец выходит первым, а вы...

Примарх перебил его.

- Кто ты такой и какую роль выполняешь?

Человек запнулся, потом предпринял нерешительную попытку восстановить самообладание.

- С позволения примарха, я - Лакланд Торн, известный летописец и документалист Имперского Двора, и...

И снова Мортарион не позволил ему взять инициативу в свои руки.

- Летописец? Что это значит?

Все присутствующие не отрывали глаз от примарха, но он не обращал на них внимания.

- Я... регистрирую. - Торн указал на механическую сферу, которая гудела при движении, наблюдая за ними обоими. - Я пишу. - Он предъявил электроперо, а из драгоценного камня на пальце появился мерцающий голографический экран. - Мне оказана честь документировать деяния Императора для потомства, чтобы последующие поколения могли узнать о них...

Похоже, Торн частично восстановил прежнюю самоуверенность и немного наклонился.

- Надеюсь исполнять то же и для вас, лорд Мортарион.

Он неискренне улынулся.

- Я хочу узнать больше о нравах вашего приемного народа и о природе вашей крайне неблагоприятной планеты! Вы зовете ее Барбарус, не так ли?

- Барбарус представляет из себя многое, - ответил Мортарион, оглядев Торна с ног до головы. Его снисходительный тон раздражал примарха, и он прикинул, что этот «летописец» не прожил бы и дня на поверхности родного мира. - Ты можешь называть ее *неблагоприятной*.

Он прошел мимо Торна и преодолел последние две ступени к вершине платформы, услышав неодобрительный ропот в собравшейся толпе. Вне сомнений он нарушил очередной протокол, но Мортарион не стал ждать, чтобы узнать, в чем он заключался.

- Где мой отец? - спросил он, шагнув в овал ослепительного света, излучаемого из расположенных высоко над головой осветителей.

- Ты так сильно хочешь снова увидеть меня? Я рад, - сказал голос, и примарх увидел краем глаза, как расходится бархатный занавес. Вперед шагнула высокая фигура в золотых одеждах. Казалось, она излучает свет ярче, чем огни наверху.

Мортарион услышал, как за спиной перехватило дыхание у Лакланда Торна, и тот почтительно опустился на палубу. Доспехи лязгнули о сталь, когда шеренги солдат сделали то же самое. Только вечно готовые действовать кустодии остались на ногах. Их преданность не нуждалась в подтверждении подобными действиями.

Мортарион хотел пренебречь этой демонстрацией почтения, но не смог. Он на миг взглянул на отца и опустился на одно колено, после чего склонил голову. Все произошло так, словно было predetermined и уже записано в истории.

- Поднимись, мой сын, - сказал Император со сдержанной улыбкой на Своем обветренном загорелом лице. Его патрицианский взор разом охватил Мортариона, и примарх задумался, что видит его генетический отец. Насколько глубоко могло проникнуть зрение Императора? Могло Его зрение-за-пределами-зрения увидеть цвета подлинной души Мортариона? Знал ли Он сокровенные мысли Своего сына?

«Нет, - сказал голос в его голове. - Если бы Он мог, все было бы иначе. Не так ли?»

Мортарион поднялся и увидел, что улыбка Императора стала шире.

- Ты при каждом случае ведешь себя непредсказуемо. - Он кивнул толпе. - Прости меня. Мне стоило учесть, что подобные вещи не интересуют тебя.

Тревога тронула Его глаза.

- Ты прошел через столько трудностей. Подобная помпа и церемониал должны казаться излишними и расточительными.

- Уверен, для некоторых это имеет значение.

Мортарион взглянул на Торна.

- Так и есть. - Улыбка Императора вернулась, и Он положил руку на плечо Своего сына, уводя его.

- Пройдись со мной.

Отец отпустил Свою свиту, за исключением единственного кустодия, который следовал за ними на расстоянии двадцати шагов. Император вместе с Мортарионом покинули посадочный отсек, прошли через воздушный шлюз и оказались в длинном цилиндрическом коридоре.

Он был сделан из подобия кристаллического стекла: длинные изогнутые листы стекловидного материала поддерживались рамами из белого металла. Мортарион отметил, что коридор тянется по хребту огромного корабля от дока в носу «Буцефела» и до гигантского командного замка, поднимающегося из кормы.

За изогнутыми окнами примарх увидел другие корабли флота, который доставил Император к Барбарусу после годичного отсутствия. Многие из них были золотого цвета и украшены молниями и двуглавыми орлами, размером с левиафанов, парящих в безмолвной темноте.

Другие корабли носили разные окраски и эмблемы, которые Мортарион не узнал. Один из них с символом в виде открытой книги с пламенем приблизился, когда вереница транспортных лихтеров отправилась от него к флагману Императора.

- Этот принадлежит одному из твоих братьев, - сказал отец, распознав вопрос прежде, чем Мортарион задал его. - Со временем я найду его, как нашел тебя, и он присоединится к нам. Мои разведчики доставили мне обнадеживающие данные, и в этот самый момент они ведут поиски его вероятного местонахождения.

- Сколько нас там? - Мортарион не отводил взгляда от корабля.

- На данный момент слишком мало для того, что нужно, - задумчиво ответил Император. - Но ситуация изменится. На это могут уйти годы, но, в конце концов, я верну вас всех. Наша работа... наша судьба слишком важны, чтобы отказаться от них.

Мортарион задумался над смыслом сказанного, но удержался от дальнейших размышлений и вернулся к текущему вопросу.

- Когда я встречу с ними? - Он не успел остановить себя и продолжил. - У меня никогда не было... кровного брата.

- Очень скоро, - пообещал Император. - Гор особенно жаждет встретиться с тобой.

- Луперкаль... - Мортарион знал имена некоторых из своих братьев, и в первую очередь повелителя Лунных Волков. - Первый найденный.

- Верно, - кивнул отец. - Чуть более полстолетия назад по терранскому календарю. С тех пор он всегда впереди.

Проницательный взгляд Императора отыскал другой корабль во флоте.

- Гор хотел встретить тебя вместе со мной, но я велел ему ненадолго задержаться. Сначала нам надо многое обсудить... Мортарион.

Примарх заметил паузу и сказал об этом вслух.

- Ты запнулся на моем имени.

- *Дитя Смерти*. - Его отец назвал его значение в переводе со старых барбарусских диалектов. - Это не то, что я хотел бы для тебя, - признался Император. - Надеюсь, ты никогда не испытаешь боль утраты столь важного, как твой ребенок, которому ты даже не успел дать имя перед его исчезновением.

Эти слова должны были показать связь отца с сыном, но они не достигли цели. Мортарион не мог понять их. Для него это был чуждое переживание, отягощенное противоречивыми эмоциями.

Вдруг в памяти всплыл тот судьбоносный день на Барбарусе, когда транспортный корабль Императора приземлился возле свободного города Убежища. Мортарион и его Гвардия Смерти вернулись с провалившейся миссии по убийству верховного Властителя Некаре в токсичных районах высочайшей горной гряды. Они обнаружили, что люди только и говорят, что о поразительном госте, которого звали «Пришелец».

«Я прибыл на Барбарус в поисках благородных душ, - сказал Император. - Вас ждут слава и процветание. Грядет рассвет новой эры».

Отчасти это было правдой. Но принесенная Императором на Барбарус новая эра началась с лишения Мортариона роли лидера, которую он заслужил потом и кровью. Примарх закипел от мысли о том дне,

когда позволил завлечь себя в безрассудную сделку.

Он сказал Императору, чтобы Тот уходил. Сказал, что им не нужен Империиум Человека и свет просвещения. В ответ генетический отец предложил своего рода пари.

«Одолей архиврага Некаре в бою, докажи, что ты достойный лидер, и Барбарус никогда не окажется под властью Империиума».

Это была ловушка.

Мортарион принял вызов, вопреки здравому смыслу забравшись в самые отравленные районы гор. И там он вызвал на дуэль Некаре, пообещав исполнить данную им клятву, покончить с ним и освободить Барбарус раз и навсегда.

«Но ты не справился, – сказал голос в голове. – И твой отец должен был знать, что так и произойдет».

Мортарион чуть не умер там, среди настолько опасных токсинов, что даже сверхъестественная физиология генетически улучшенного воителя не могла противостоять им. Находясь при смерти, в то время как Некаре стоял рядом и наблюдал, как приемный сын испускает последний вдох, Мортарион понимал, что конец близок.

Но вдруг появился Император Человечества. Его огромный золотой меч сверкнул подобно звездному свету. Некаре пал от одного удара, и таким образом Барбарус, наконец, стал свободным.

«Эта победа должна была стать твоей».

– Ты вспомнил день, когда я пришел к тебе, – сказал, не задумываясь, Император, словно прочитав мысли Мортариона. – Убийство этого существа... Это был первый из моих многих даров тебе, мой сын. Ты ведь понимаешь это?

– Да.

«Нет, – прошептал голос. – Он украл твой заслуженный в тяжелой борьбе триумф. И почему? Чтобы ты вечно был обязан Ему...»

Мортарион с безмолвным ворчанием выбросил из головы темные мысли, словно отмахнувшись от надоедливого насекомого.

Если Император заметил, то не подал виду. Отец Мортариона остановился, чтобы рассмотреть далекую дымчатую сферу Барбаруса.

– Твой мир изменился за прошедший год. Он заметно вырос в тех сферах, которые ты и твой приемный народ только сейчас осваиваете.

– Бледные сыны и дочери легко приспосабливаются. И выносливы, – ответил Мортарион. – Без этих качеств люди никогда бы не выжили здесь.

– Замечательно. Мои адъютанты сообщают, что локуторы Империиума достигли большого успеха в просвещении племен Барбаруса. Меня очень радует, что усвоение прошло так быстро. – Темные глаза Императора снова обратились к Мортариону. – И я видел доклады о твоих тренировочных занятиях с легионом. Весьма впечатляюще.

- Они хорошо сражаются, - неохотно признал Мортарион. На самом деле, легионеры были самыми выдающимися воинами, с которыми он сталкивался, и часть него жаждала повести их в настоящую битву. Позволить им сбросить цепи, чтобы биться упорно и безупречно.

А скоро будут готовы его избранные родичи. Возвышение до трансчеловеческого статуса сделает их богами войны в сравнении с обычными людьми, которыми они когда-то были.

«С их помощью эта новая Гвардия Смерти станет по-настоящему грозной силой».

- Тем не менее, возникает вопрос, - сказал его отец, кивнув в сторону планеты. - Я оставил тебе контингент моих лучших ученых и геоформов. Их умения и технологии могли в корне изменить атмосферу и экологию Барбаруса. Очистить воздух и почву от токсинов. Но ты отказался воспользоваться их услугами. Отослал их. Почему?

- Это было бы неправильно. - Мортарион покачал головой. - Дети Барбаруса не приучены к легкой жизни. Очистить небо и землю... Это бы сделало мой народ *слабым*. А после смерти всех Властителей им все еще нужно с чем-то сражаться.

Лицо генетического отца медленно расплылось в улыбке.

- Не беспокойся на этот счет, Мортарион. У Империи Человека битв достаточно для населения десяти тысяч миров.

Вопреки себе, Мортарион почувствовал, как губы растянулись в тонкой улыбке предвкушения.

- У меня еще есть подарки для тебя, - продолжил Император, указав на еще один огромный корабль в сомкнутом строю.

Он напоминал гигантский кинжал, смертоносное изваяние из стен с бойницами, покатым носом и корпусом в изумрудных оттенках. Корабль словно по безмолвной команде Императора развернулся, и на скалоподобном форштевне Мортарион увидел массивный образ черепа и солнца в темно-сером цвете.

- Твоя боевая баржа, - сказал отец. - «Стойкость», первый корабль твоего флота.

У Мортариона было такое ощущение, что он мог протянуть руку в железной перчатке и коснуться корабля. Он страстно желал его, представляемая им мощь гудела в крови примарха.

- Но перед тем как ты примешь командование над ним, у меня есть еще кое-что для тебя. - Император кивнул самому себе. - Последняя формальность, чтобы отметить наши узы верности.

- Что ты имеешь в виду? - Сомнение тут же наполнило мысли Мортариона. Вся эта щедрость вызвала у него подозрения.

- Я покажу тебе.

Они вышли из коридора, который разделял бронированный купол, выступающий из корпуса «Буцефела», и прошли по широкой спиральной рампе в следующий зал.

- Мой разум никогда не отдыхает, - сказал отец, на миг показавшись меланхоличным. Затем все прошло, и он указал на помещение. - Работа по управлению империей занимает не все мое время. У человека должно быть ремесло, чтобы заниматься им исключительно ради удовольствия.

Эта мысль настолько выходила за рамки жизненного опыта Мортариону, что была недоступной его

пониманию, поэтому он промолчал. Вместо этого, он вошел внутрь, всматриваясь в затененное пространство.

Это была своего рода мастерская, напомнившая примарху площадки технокочевников, которыми управляли племена оружейников и тираны кузниц Барбаруса. С точки зрения Мортариона, она была создана в типично имперском стиле – перегружена украшениями и техническими излишествами, совмещающая в равной степени ненужную эстетику и функциональность.

Паучьи автоматы и получеловеческие илоты склонялись перед своим повелителем, когда Он проходил мимо, после чего возвращались к своей работе. Некоторые корпели над сложными устройствами неизвестного предназначения, другие возились с изделиями, в которых Мортарион узнавал пластины брони или огромные образцы оружия ближнего боя. Затем примарх увидел стеклянные капсулы, внутри которых находились шары кипучей энергии, жидкие сферы и объекты, геометрия которых была не известна людям.

- Мои исследования помогают концентрироваться, – сказал Император. – Они дают мыслям ясность.

Он указал на стойки с прототипами огнестрельного оружия и модифицированными моделями боевых доспехов космодесантников.

- И в этом есть определенный смысл. Когда примарх готов, я вручаю моему сыну подарок, выкованный собственной рукой. Иногда оружие. Иногда доспех или другое воинское снаряжение.

Он обвел руками помещение.

- Теперь пришла твоя очередь.

Мортариону хотелось остаться отрешенным от этого всего. Но окружавшие его сокровища пробудили жажду к знаниям, которая всегда влекла его. Он захотел узнать больше.

Примарх увидел висевшие в воздухе голограммы оружия, уже подаренного братьям-примархам. Огромная шипастая черно-серебристая булава, щеголявшая зловещим оком, рядом с которой парил силовой меч с крылатой гардой, сиявший в тусклом холодном свете.

Были и другие незаконченные предметы. Взгляд Мортариона упал на черный доспех, лежавший на одном рабочем месте, и каркас шлема в виде рычащего зверя – на другом.

Чем больше он смотрел, тем больше видел оружия. Сотни разработок и конструкций, сотни разобранных реликвий и осколки утраченных тысячелетия назад технологий. Военные развлечения Императора были разложены многочисленными рядами.

«Твой отец считает себя оружейником в той же мере, что и полководцем». Догадка закрепились в разуме Мортариона, и ее темная значимость вызвала у него негодование.

«Так вот вы кто? – Голос сомнений и недоверия Мортариона, ненадолго замолчавший, снова вернулся к нему. – Примархи – Его оружие».

Властитель Некаре, распоряжаясь жизнью найденного ребенка, относился к Мортариону именно таким образом. Так ли сильно отличался Император Человечества?

- Мой сын? – Заскрипев зубами от негодования, Мортарион повернулся на голос отца и увидел, что Он протягивает ему грозную саблю – широкую и смертоносную.

- Это для тебя, - начал Он.

Мортарион ответил, прежде чем Император закончил предложение.

- У меня уже есть клинок. - Он движением плеч указал на примагниченную к силовому доспеху гигантскую косу. - Другой мне не нужен.

Примарх отошел, сознательно проигнорировав застывшее лицо отца. Боевая коса в его хватке всегда была тверда и готова действовать. Она стала частью примарха с того момента, как он выковал ее. Годами клинок переделывался, усиливался, улучшался. Он был продолжением самого Мортариона, и ничто - ни рожденный в звезде металл, ни загадочный мастер-оружейник - его не заменят.

- Ты отказываешься от моего подарка? - мягко спросил Император, но в словах читалось предостережение.

В день нарушенных протоколов будет ли это чрезмерно? Мортарион задумался над этим, пока его взгляд осматривал комнату и остановился на оружии, лежащем на пласталевой подставке.

Пистолет. Тяжелое, похожее на цилиндр огнестрельное оружие, созданное для рук существа крупнее человека. Оно был сделан из меди, латуни и стали, а его форма напомнила Мортариону инструмент ремесленника. Это было не тщательно отделанное изделие выдающегося мастера-оружейника. Это было тяжеловесное орудие убийцы.

Не спрашивая разрешения, Мортарион подошел и взял его.

- Мне нужен пистолет, - признался примарх и пригляделся к конструкции. Части механизма были разъединены, и он автоматически взялся приводить его в рабочее состояние.

Император нахмурился.

- Создатель этого оружия назвал его Лампионом. Он сказал мне об этом перед тем, как я предал его смерти.

- Что он сделал, чтобы заслужить подобную участь?

- Этот человек возглавлял культ убийц на мире-мануфактории под названием Шэньлун. Они говорили, что поклонялись дракону. - Взгляд отца стал холодным. - Их нужно было уничтожить, чтобы гарантировать приведение к согласию планеты.

Мортарион нашел механизм управления пистолетом и активировал его. Лампион ожил и тотчас «привязал» себя к генетическому следу примарха. Оружие удобно лежало в руке Мортариона, и он почувствовал, как внутри корпуса загудела смертоносная мощь.

- Этот пистолет, - протянул примарх.

- Он отлично подходит тебе, - признал Император и медленно отложил саблю. - Возьми его. Используй Лампион, чтобы нести свет нашего Империиума во тьму. Он послужит не хуже другого.

Император кивнул.

- Ты снова пошел своим путем, мой сын.

- Ты имеешь в виду, что я отверг чужие планы? - спросил Мортарион, не отрывая взгляда от оружия.

Казалось, после его ответа в комнате стало холоднее, и все невысказанное между ними затуманило воздух, словно призрачный дым.

- Вот он я, - сказал генетический отец. - Если ты что-то хочешь сказать мне, Мортарион, говори начистоту.

На поясе Мортариона висели веревки, из которых он сделал шнур для Лампиона.

- У меня много вопросов, - сказал он, наконец. Его голос заскрежетал в неожиданной тишине сводчатого помещения. - Но я откажусь от всех них ради ответа на всего один. Скажи мне, зачем ты забрал у меня победу в день, когда пришел в мой мир.

В глазах Императора мелькнула редкая вспышка смущения.

- Я сделал это, чтобы спасти жизнь моего сына. Ты бы умер на той горе. Там мог победить только тот изверг, что истязал тебя столько времени. - Он посмотрел на Мортариона долгим взглядом. - Я не мог позволить тебе погибнуть, не после таких длительных поисков.

- И все же это брошенный тобой вызов отправил меня туда.

- Разве? Мы все еще можем многое узнать друг о друге, мой сын, но одно для меня очевидно. - Император указал на Лампион. - Хоть один поступок в твоей жизни не был актом протеста? Неповиновения? Ты сразился с Некаре по собственному выбору. Та дверь уже была открыта.

- Ты не помешал мне пройти через нее.

«Он знал, как ты поступишь, - сказал внутренний голос. - В конце концов, он сотворил тебя. Кому, как ни ему знать, как манипулировать тобой?»

В поведении Императора появилась холодная непостижимая отдаленность.

- Отец обязан обучать своих сыновей. В тот день ты получил ценный урок. Я понял, что должен напомнить тебе о смирении, Мортарион. Некоторых врагов тебе не победить в одиночку.

«Никогда!» - непокорно проревел безмолвный голос. - Никогда не признавай поражение!»

Мортарион посмотрел на оружие в своей руке и задумался над его возможностями. На одну сумасбродную секунду ему в голову пришел темный и жуткий вопрос.

«Что если я направлю пистолет на Него? Что случится тогда?»

В следующую секунду непроизносимый вопиющий вопрос растворился, а его место заняла пустота. В зияющей бездне эмоций Мортарион разглядел тусклый огонек необходимости, несформировавшуюся потребность в родстве, в кровных узах.

Он без колебаний раздавил это чувство. У него было братья и товарищи среди тех, с кем он проливал кровь, и, возможно, он найдет их и среди своих родичей-примархов в грядущие дни. Принимая во внимание взгляды генетического отца, Мортарион не сомневался, что кое-кто из его братьев может разделять двойственные чувства, которые он испытывал к их общему предку.

«Император позволил тебя похитить, когда ты был всего лишь ребенком. Затем Он снова нашел тебя, только чтобы унижить тебя, и ради чего? Чтобы повторить то, что сделал Некаре? По крайней мере, Властитель был честен в своей жестокости».

- Ты забудешь об этом, Мортарион? - Император протянул руку. - Будешь ли ты сражаться подле меня в Великом крестовом походе?

- Буду. - Примарх принял предложение, и союз был заключен. - У меня нет выбора, - добавил он.

- Пойдем со мной, - снова сказал генетический отец и повел его из комнаты в огромные помещения за ней.

Они оказались в сводчатом зале, который был настолько большим, что обладал собственным микроклиматом. В дальнем конце огромной галереи Мортарион увидел легионеров в зеленовато-серых боевых доспехах, а среди них такого же высокого, как и он сам. Благородная фигура в мантии и шкурах даже на расстоянии выделялась внушительностью и энергией.

- Твой брат был неподалеку, в нескольких световых годах, в системе Чжао, - сказал Император. - Когда он узнал, что я направляюсь сюда, он не отпустил меня одного. - Он поманил другого примарха, и тот подошел. На губах играла усмешка, а в глазах светилась радость.

- Луперкаль... - произнес Мортарион его имя. И снова ощутил это странное возвышенное чувство *родства*, даже более сильное, чем раньше. Свет, озаривший его душу.

- Мой брат, - ответил Гор взволнованным голосом. - Добро пожаловать домой.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Свет_Лампиона_/_Lantern%27s_Light_\(рассказ\)&oldid=25018](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Свет_Лампиона_/_Lantern%27s_Light_(рассказ)&oldid=25018)

Эта страница в последний раз была отредактирована 18 апреля 2024 в 07:56.